

Основные черты татарской системы родства и системы родственной терминологии.

1. Татарская система родства

Она в основе своей едина с системой родства других тюркских народов. Вместе с тем, в ходе формирования татарского народа постепенно складывалась своя система родства, имеющая некоторые специфические моменты. Они отразились и в лексико-семантическом составе татарской терминологии родства.

Как показали наши исследования, основные черты системы родства тюркских народов проявились в системе родства у татар следующим образом.

1. Четко различаются кровное родство и родство по браку, что получило соответствующее оформление и в составе татарской родственной терминологии.

2. В татарской системе родства отсутствует деление кровного родства на отцовскую и на материнскую стороны. Родственники по отцу и родственники по матери обозначаются одними и теми же терминами. Исключения следующие. В кряшенских, мензелинском, бирском говорах наблюдается выделение деда и бабушки (у кряшен: также и других родственников) со стороны матери при помощи атрибутива *жырак/йырак*, каргалинском *алыс*, досл.далекий (*жыраг эби* или *жырак*, *картинэй* 'бабушка со стороны матери', *жыраг агай* 'дядя со стороны матери', *жырак жичги* 'жена дяди со стороны матери' и т.д.

В чистопольско-кряшенском дед и бабушка со стороны отца выделяются с помощью определения *үз*, досл. свой. В говоре татар Свердловской области для обозначения бабушек с материнской и отцовской сторон употребляются различные термины. Аналогичные моменты отмечены и у некоторых групп башкир.

Отсутствием деления кровного родства на отцовскую и на материнскую стороны татары проявляют общность с западнокипчакской группой - тюрков. В языках же восточно-кипчакской группы продолжают бытовать специальные термины, обозначающие родственников со стороны матери. Например, в ногайском *нагаш*, каракалпакском *нагашы* и др.). Ср. также в алтайских и других восточнотюркских языках *тайы* др. в аналогичной функции. У татар термин *нагажи* зафиксирован в словаре И.Хальфина (XVIII в.), в более поздних словарях не встречается, не обнаружен и в говорах.

3. Боковые линии родства слиты с прямой линией родства. Некоторое исключение составляет западный диалект, где дети родных сестер или братьев, в отличие от других говоров и литературного языка, обозначаются отдельным термином, заимствованным из русского языка. Например: в

темниковском *пеламаннек* - если он, *пеламанча* - если она.

4. В отличие от ряда тюркских (киргизского, казахского, восточнотюркских и др.) языков употребление терминов для обозначения сестры не зависит от пола говорящего.

5.0. Общетюркский принцип обозначения одним термином целого класса лиц различных степеней родства характерен для татарской терминологии родства. И в материнском родстве, и в отцовском родстве одинаково соблюдается дифференциация старшинства по поколениям.

5.1. Татарской системе родства, также как и системе родства народов всей урало-алтайской общности, присущ скользящий характер поколений, заключающийся в том, что младшая ветвь одного поколения объединена в одну категорию со старшей ветвью следующего за ним нисходящего поколения. Такое смешение поколений рассматривается учеными как следствие последовательного проведения возрастного принципа; считается, что оно восходит к самым ранним состояниям развития общества, когда каждый человек делил своих сородичей только на старших и младших.

В настоящее время в татарском языке скользящий характер поколений не имеет четкого терминологического выражения. Термины, совпадающие по смыслу с названием поколений закрепились за одним определенным индивидом данного поколения, причем за тем индивидом, который стоит на верхней границе поколения. Так, например, *ата* 'отец', в это поколение - поколение отцов - входят еще такие ветви: его (т.е. отца) младший брат и его же старший сын; *баба(й)* 'дед', в это поколение - поколение дедов - входят его (т.е. деда) младший брат и его старший сын и т.п. Для выражения же представителей этих младших ветвей в татарском языке и говорах употребляются другие термины, образованные описательным путем: *дәү әти* или *зур әтәй* 'старший брат отца' (иногда и матери), *әнинең әнесе* 'младший брат матери'; *бабайның әнесе* 'младший брат деда' и т.д. Т.е. термином *ата* никогда не назовут брата или термином *ага* не назовут отца, хотя эти два термина связаны с одним поколением. Хотя, если исходить из совокупности диалектного материала (общеизвестно, что терминология родства литературного языка и терминология родства диалектов или говоров не совпадают между собой, т.е. система терминов родства в литературном языке и говорах отражают одну и ту же систему родства каждая по своему), то обнаруживаются следы такого явления. Например, тат.литер. *әби* 'бабушка', *бабай* 'дедушка' в приуральских говорах выражают старших родных сестер или братьев отца или матери. Т.е. в данном случае они обозначают индивидов, представляющих не стоящую ветвь на верхней границе поколения, а следующую нижнюю ветвь поколения дедов.

Аналогичные явления обнаруживаются и на общетюркском масштабе. Так, в татарском *ага* 'старший брат', 'старший родственник вообще', а в якутском: *ага* 'отец'. В башкирском языке в отдельных говорах *апа* 'мать', *инә* 'тетя', а в некоторых других говорах, наоборот, *апа* 'тетя', *инә* 'мать'. Но такие факты все же носят ограниченный характер и наблюдаются, в основном, при составлении нескольких систем, а не внутри одной системы.

В этом смысле татарский и другие тюркские языки отличаются от финно-угорской ветви урало-алтайской общности. В последних один и тот же термин в одно и то же время обозначает представителей обеих ветвей поколения. Так, например, у удмуртов дед по отцу и старший брат отца называются одним термином (пересь айы); термин *агай* употребляется для обозначения и отца, и дяди по отцу (Плесовский, 1960: 109). У финно-угорских групп сохраняется и деление родственников по отцу и по матери. Тем самым, татарская система родства несколько отличается от системы родства финно-угорских народов.

Скользкий характер поколений и различие их границ в татарском языке довольно системно отражен в категории форм обращения. Так, формой обращения к моей старшей сестре и младшей сестре моей матери т.е. к представителям обеих ветвей поколения матери, служит в говорах одно и то же слово (напр.: *тәтә*). Или форма обращения *абзий /эзий* или *дәдәй* в мишарских говорах употребляется по отношению к младшему брату отца говорящего (т.е. по отношению к поколению отцов), тогда как формой обращения к старшему брату отца говорящего и младшему брату его же деда (т.е. к поколению дедов) служит другая форма: соответственно *дәдәй* или *бабай*, *абыз дәдәй*, где *абыз* приобретает значение старший, большой, великий.

5.2. Любопытные данные, показывающие границы поколений, обнаруживаются при сравнительном исследовании ареальных терминологических систем татарского языка. Так, понятие бабушка, дед передаются в говорах и литературном языке терминами соответственно *эбий*, *бабай*. В приуральских же говорах, в тоболо-иртышском, барабинском и томском диалектах в этой функции выступают определительные лексикализованные сочетания *картинэй*, *картәти*, а терминами *эби*, *бабай* обозначаются другие родственники, входящие однако в это же поколение: старшие сестры и братья отца или матери. Как видим, в ходе упрощения системы родства и при определении индивидов родства, синонимичные пары утвердились за различными индивидами, входящими в одно и то же поколение.

6. Как и у других тюркских народов, одной из характерных черт системы родства татар является строгая дифференциация родственников по старшинству лет относительно к говорящему. В татарской системе родства она также проводится в обоих (и в отцовском, и в материнском) видах родства, причем при помощи одних и тех же средств и принципов: возрастная дифференциация осуществляется терминологически, хотя в нукратском говоре для обозначения старших и младших сестер мужа для жены употребляется один и тот же термин (*бикә*; ср. русск. сестра, золовка и др.). Различение же по возрасту осуществляется морфологическим способом, *бикэм* < *бикә* + - афф. -м - старшая золовка, *бикэчэм* (< *бикә* + уменьш.-ласк.афф. -ч + афф.принадлежности -эм) – младшая золовка, где показатель уменьшительно-ласкательности служит для дифференциации по возрасту (см. еще: ниже).

II. Система терминологии родства в татарском языке и говорах.

1. Системы терминов родства в татарском литературном языке, его диалектах и говорах в основе своей едины. Различия же проявляются, главным образом, в лексическом составе, фонетико-морфологическом оформлении терминов, семантических функциях, мотивации образования индивидуальных и описательных терминов и т.д. По нашему мнению, в болгарский период в условиях интенсивной консолидации различных племен в одну народность, также и формирования письменного литературного языка происходила, видимо, и унификация систем терминов родства (естественно, такие крупные процессы не могут развиваться синхронно). Однако в словарях до настоящего времени фигурируют по два термина для передачи понятий свекор (*каената* и *биата*), свекровь (*каенана* и *биана*), старший деверь (*каенага* и *биага*).

С другой стороны, на местах шел процесс консервации субстратных терминов, стабилизации и индивидуализации отдельных слов и описательных терминов при помощи локальных средств, возникновения новаций, проникновения заимствований и т.д.

В результате сложилась сложная структура терминологии родства татарского языка (Рамазанова, 1991). При этом необходимо отметить то, что система родственной терминологии литературного языка наибольшую общность (за небольшим исключением) проявляет с системой западного диалекта.

2. Соответственно двум видам родства (кровному и брачному) выделяются две большие группы родственной терминологии: группа терминов родства по крови и группа терминов родства по браку. Они отличаются по составу терминов, историей сложения и особенностями функционирования.

3. В татарской родственной терминологии выделяется своей уникальностью мордва-каратаевская система терминов родства, состоящая из трех генетических пластов: мордовского, тюркского и русского.

Она сложилась на фоне тюркизации группы мокша-мордвы, т.е. в результате столкновения двух различных систем родства и систем родственной терминологии.

Выявилось, что в группе терминов родства по крови при взаимодействии терминологических систем двух неродственных языков наибольшую устойчивость проявил мордовский пласт в той подгруппе, которая связана со старшими родственниками по прямой линии (*лалә* 'старший брат', *баба* 'бабушка со стороны отца', *нусча* 'дед', *аука* 'бабушка со стороны матери'). Следующие три термина этой подгруппы объясняются на тюркском материале: *ад'а* 'мать', *тәтә* 'отец', *ака* 'старшая сестра', но передают они противоположное значение по полу, чем в тюркских (*ад'а* – *ата* 'отец', *тәтә* – *тәтә* 'старшая сестра', *ака* – *ака/ага* 'старший брат') языках. Любопытно то, что параллели к терминам аналогичного характера имеются в чувашском (довольно цельная система) и, частично, в финно-угорских языках. Кроме того, в подгруппе, связанной со старшими родственниками по прямой линии, обнаруживаются термины, отсутствующие в татарском языке, имеющиеся,

однако, в различных других тюркских (туркменском, карлукских, ногайском) языках и в древнетюркских памятниках (*уйа, бебе, уку*).

Термины же, связанные с младшим поколением, в основном тюркского происхождения, включают также и диалектизмы, характерные для данного региона, русские заимствования.

Анализ терминов родства по браку говора мордвы-каратаев показал, что при взаимовлиянии двух систем наибольшую устойчивость сохраняют подгруппы терминов, обозначающих кровных родственников и родных братьев и сестер мужа для жены: *акыл'и, аван'и, ал'а, мазнас, кытсас, кифтай*; *аба* и др., которые восходят мордовскому языку.

Термины же, обозначающие свойственников со стороны жены, тюркские. Тюркского происхождения и термины, выражающие основных лиц брачного союза: *ир, катын, килен, кийэү, балдыз/палдыз, кайнагач, кайнага, база, жизний, кыдагий, кыдача* и т.д. Иными словами, подгруппы терминов, связанные с брачующимися и с родственниками со стороны жены оказались наиболее слабыми звеньями, подверглись сильному влиянию извне, и были заменены терминами неродственной, т.е. татарской, терминологической системы.

Выявленные особенности позволяют предположить о татаризации мордвы-каратаев в результате брачных союзов между представителями мокша-мордвы с представительницами тюркской народности (скорее всего, предков мишарей), в речи которых еще сохранялась древнетюркская шкала гласных: *кайнагач < кайын + агач (< эгэч(и), тат. игэч)*. Ср.: подб. *кан'агач/кайныгач*, в говоре села Азеево *кан'егэц/кайнагач*; Codex Sumanicus **ägäц** (Махмутова, 1982: 93).

Наличие ряда тюркизмов в составе терминов родства мокшанского языка (*куда, балдоз/палдоз, базя, бальзя/пазя, кудава, эзна, дуга/ туга/туган, дугиней/дугинем, кудат* и др.) свидетельствует о том, что взаимодействие мордовской и тюркской систем терминологии родства началось гораздо раньше. Состав приведенных примеров полностью относится к свойственной терминологии, что еще раз свидетельствует о проницаемости при взаимодействии двух систем терминологии родства прежде всего группы терминов родства по браку а внутри нее – подгруппы, связанной со свойственниками со стороны жены. Такая последовательность говорит в пользу закономерности рассматриваемого явления.

В свете этого выше приведенная тройка - *ад'а, тэтэ, ака* - уводит наши размышления о тюркизации мокша-мордвы в еще большую глубину истории.

4.1.. Татарская система родственной терминологии характеризуется четким делением терминов по функционированию на две категории: категория терминов обозначения (ТО), отражающая дифференциацию родственных связей, степень родственной близости и т.п., и категория форм обращения (ФО), определяющая нормы поведения одних родственников или свойственников по отношению к другим. В финно-угроведении метод

дифференцированного подхода к этим двум категориям утвержден, приобрел традиционный характер, тогда как в тюркологии формы обращения не исследованы как категория, не выявлен их арсенал, истоки и закономерности сложения.

4.2. Диалектика взаимосвязи между категориями терминов обозначения и форм обращения: а). Основная часть форм обращения образуется морфологическим способом на основе терминов обозначения. Активно выступает как форма обращения и древняя посессивная форма на *-ым*. б). Некоторые формы обращения могут превратиться в термины обозначения (*абый, эний*, графич. *эни, бабай, эбий*, графич. *эби* и т.п.). Некогда являлись формами обращения и такие производные, как *бийем, печкэчэм*. Однако употребление форм обращения в роли терминов обозначения - ограничено, в). Как более подвижная группа, формы обращения выполняют посредническую роль в проникновении и семантическом развитии заимствованных терминов родства (брат: ФО к младшему брату —> младший брат или младший родственник—>любой родной брат —>сродственник вообще). В этом отношении показательным является также и то, что тюркский звательный афф. *-й* в современном мордовском и других финно-угорских языках представлен как довольно системная морфологическая категория.

4.3. Категория форм обращения отдельных говоров характеризуется некоторыми специфичными чертами: а). Наличие в подберезинском, частично, нукратском, ичкинском говорах среднего диалекта, восточных диалектах звательного афф. *-ау/ -эу* (общетат. и общетюрк. *-й*), имеющегося и в чувашском языке; б). Употребление со стороны жены поэтических слов с оттенком ласкательности по отношению к младшим братьям и сестрам мужа в западном диалекте. Распространено также в различных языках Кавказа, славянских языках, в). Дифференцирование по старшинству младших братьев и сестер мужа для жены при обращении к ним в подберезинском, мордва-каратаевском, частично, пермском говорах. Причем, эти формы обращения по семантике совпадают с аналогичными формами обращения у чувашей и мордвы.

5. По лексическому составу терминов родства все пять татарских диалекта и литературный язык совпадают. Отклонения носят частный характер, сводятся к единичным примерам типа *йадаш* - сестра (в касимовском), *апсын* - сношеница (в касимовском, пермском говорах, восточных диалектах), *тэтэй* - отец (в чистопольско-кряшенском, мордва-каратаевском, частично заказанско-кряшенском, ичкинском говорах, тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах), *печкэ* - золовка (в кряшенских), *каенбикэ* (в приуральских говорах), *игэч, тудык* - сестра, двоюродные и т.п.(в западном диалекте) и некоторые другие.

Термины родства по крови составляют древнейший пласт лексики. Основные номинативные термины (*ана, ата, эби*< др.-тюрк. *аба, ана, ага*< др.-тюрк. *ана, эне, ул* и т.п.) зафиксированы еще в древнетюркских письменных памятниках. Древние варианты или термины более устойчиво и

более системно сохранились в говорах западного диалекта (за исключением говора мордвы-каратаев). Терминология кровного родства данного диалекта более единообразна, более стабильна, чем в говорах среднего диалекта. Наличием терминов *тудык(а)*, *игэч* западный диалект наибольшую общность проявляет с западно-кыпчакскими языками.

Средний диалект выделяется употреблением переднерядных вариантов главных терминов (*эний*, *этий*, *эбий*) кровного родства. В его говорах наблюдается вариативность (в при- и зауральских говорах *энэ*, *этэ*, *эбэ* и др.). В тюркологии переднерядные варианты терминов родства считаются продуктом более поздней эпохи (Севортян, 1974: 279). Наличие их в заказанских, нагорных и приуральских говорах и восточных диалектах, видимо, связано с угорским субстратом.

Ареальный подход в анализе терминов кровного родства позволяет выдвинуть предположение о том, что носители говоров указанных ареалов или относились в глубокой древности к разным племенам, или же прошли несколько различный путь этнического формирования.

6.1. Мнение о том, что группа терминов по браку сложилась позднее на базе терминов родства по крови, подтверждается и материалами татарского языка. В формировании данной группы значительную роль сыграли также социальные термины (*бий*, *бикэ*, *хатын* и др.) и некоторые другие слова (*балдыз* < др.-тюрк. балдыр – молодой, ранний, *йортчы* < др.-тюрк. йурчы?, *йортагай* < йорт – дом + агай – старший брат, господин, т.е. будущий хозяин дома? и др.).

6.2. В западном диалекте термины родства по браку образуются путем сочетания показателя свойства *кайын* с терминами кровного родства. При этом такие термины выражают родственников как со стороны мужа, так и со стороны жены, т.е. показатель *кайын* имеет двусторонний характер. Аналогичным образом сформировались системы терминов родства по браку татарского литературного языка и ряда периферийных говоров среднего диалекта (касимовского, пермского, златоустовского, ичкинского) и восточных диалектов. То же самое наблюдается почти во всех тюркских языках, за исключением чувашского, тувинского и якутского (Покровская: 71-72).

Следует особо отметить то, что система родственной терминологии западного диалекта по лексическому составу терминов кровного родства, имеющая наибольшую общность с западнокыпчакскими языками, по лексическому составу терминологии брачного родства – совпадает с восточнокыпчакскими языками.

6.3. Значительное разнообразие представляют системы терминов свойства, сложившиеся в говорах среднего диалекта.

В ряде говоров (в заказанской, нагорной, кряшенской группах говоров, параньгинском, частично, нукратском, мензелинском, бирском, бугурусланском, каргалинском) термины родства по браку образуются в сочетании с показателем свойства *бий* (тогда как в литературной, мишарской

системах - *кайын*). Компонент *бий* носит односторонний характер. Примечательно, что он выступает в составе тех терминов, которые употребляются лишь по отношению к старшим родственникам мужа (*бийана/ бийем, бийата, бийага*). Ср.: наибольшая устойчивость этой же подгруппы терминов и наблюдалась у мордвы-каратаев. Это позволяет предположить, что на основной территории формирования татарского народа произошло когда-то столкновение двух систем родственной терминологии.

На наш взгляд, о столкновении в нашем ареале двух терминологических систем родства свидетельствуют и термины-дуплеты типа *апай-тәтә* (в мамадышском), *апаэний* (в касимовском), *апакә* (в тоболо-иртышском, барабинском диалектах), состоящие из слившихся воедино синонимичных терминов.

В подавляющем большинстве говоров среднего диалекта подгруппа терминов, обозначающих свойственников со стороны жены, представляет собой своеобразную группу, состоящую из разнообразных по образованию терминов (*әбий* 'теща', *бабай* 'тесть', *кайнага* 'старший брат жены' и др., тогда как в западном диалекте соответственно *кан'ана, кан'ата, кан'ага*).

Большое разнообразие по происхождению представляют термины, выражающие старшую сестру мужа для жены и старшую сестру жены для мужа. В тех периферийных говорах (например, в пермском, златоустовском), для которых характерно двустороннее функционирование показателя свойства *кайын*, в этой роли выступает слово *бикә* с атрибутивом *кайын*: *кайын бикә* (в восточных диалектах *кайынникә/пигә*). Характерно, что в нукратском говоре термином для выражения указанного понятия стала посессивная форма слова *бикә*: *бикәм/бикийем*. В остальных приуральских говорах (в мензелинском, ичкинском, бирском), также и в литературном языке, западном диалекте и бастанском, касимовском говорах среднего диалекта, сложившихся в мишарском окружении, в рассматриваемой функции выступает термин *кайнегәч/кайнигәч*... В заказанских, нагорных говорах среднего диалекта понятия "старшая сестра жены" и "старшая сестра мужа" передаются термином кровного родства *тута(сы)* или описательными выражениями и типа *хатынының тутасы, ире белән бертуган тутасы/тәтәсе* и т.п. Аналогичные выражения в таких же значениях не чужды и западному диалекту.

6.4. Своеобразную подгруппу составляют термины, употребляющиеся по отношению к младшим братьям и сестрам брачующихся сторон. В большинстве говоров в этой функции выступают общетюркские термины *кайын эне, кайынсеңел, балдыз* в различных фонетических вариантах. Специфика данной подгруппы такова, что она сложилась позднее и за счет различных, часто местных средств и поэтому в ней выявляются узколокальные термины, представляющие собой либо субстратные явления, либо семантические переосмысления некоторых известных терминов, либо местные образования или заимствования и т.д.: *йортцы* в восточных диалектах, в ичкинском говоре; *бала* в пермском, *сарул/сары ул* в подберезинском 'младший брат мужа', *бикәчем* в нукратском, *кыз бала* в пермском 'младшая сестра мужа',

балдыз в пермском 'младшие брат и сестра жены', *кечкенэ кодача* в мордва-каратаевском 'младшая сестра жены', *йанагай* в сергачском, *йыртагай* в лямбирском 'форма обращения к младшему брату мужа' и др.

7. Анализ всей совокупности татарской родственной терминологии показал наличие ряда ареалов, выделяющихся употреблением некоторых терминов.

Ареал, почти совпадающий с основной территорией расселения татар и охватывающий заказанские, нагорные, кряшенские, нукратский, частично мензелинский, камышлинский, каргалинский и бугурусланский говоры среднего диалекта (*бийем/бийана*, частично *бийагай* и др.).

Приуральский ареал, охватывающий говоры, распространенные в При-и Зауралье, а также восточный диалект (*карт инэ* или *ата; инэ, бикэ* и *каймбикэ, эбий, бабай* и др.).

Мишарский ареал, куда входят мишарские говоры, а также касимовский и бастанский говоры среднего диалекта (*игэч, тудыка*). Здесь отмечается полное совпадение терминов, обозначающих родственников как со стороны мужа для жены, так и жены для мужа.

Выделяется еще один ареал, охватывающий мордва-каратаевский, подберезинский говоры западного, частично, пермский говор среднего диалектов, чувашский и частично мордовский языки (дифференциация младших родственников мужа для жены по старшинству).

Мордва-каратаевский, чистопольско-кряшенский, частично, заказанско-кряшенский, ичкинский говоры и тоболо-иртышский, барабинский, томский диалекты объединяются по употреблению терминов кровного родства *тэтэ* - отец (или дед) в противоположном значении по полу (ср. тат. *тэтэ* - старшая сестра или родственница) говором (форма обращения) с кряшенскими говорами (термин обозначения) по употреблению термина *йанагай*.

Употреблением термина *туган* (тат.литер. и в говорах: родственник) в значении младший брат объединяются сергачский, байкибашевский говоры, говор алтатинской группы сел (термин обозначения) со стерлитамакским говором (форма обращения).

III. Терминология родства — как лексико-семантическая группа

Как известно, с середины 80-х годов одним из ведущих направлений татарской диалектологии стало исследование лексики по лексико-тематическим группам в этнолингвистическом аспекте. Как показали проведенные исследования, процесс развития и формирования различных лексико-тематических групп лексики шел, приобретая некоторые своеобразные черты как в словарном, так и генетическом составе, также и в способах словообразования и др.

Система, терминов родства татарского литературного языка и говоров представляет собой небольшую, однако сложную как по составу, так и по особенностям функционирования лексико-семантическую группу.

1. Как известно, данная тематическая группа характеризуется относительно замкнутостью, строго регламентированностью. Вместе с тем, как показали наши исследования, она в определенной степени также проницаема, а именно когда существуют длительные и тесные культурно-экономические контакты при смежном проживании (западн.диалект, кас., баст., перм., нукр.говоры *брат*; литер. и в говорах *онык*; редко лмб. *у*, чст. *акыли*); когда изменяется какой-либо атрибут культуры, например религия (крш. *кума*, *кр'уснэт'у* и др.) и, когда происходит ассимилятивные процессы, приводящие к смене родного языка на неродственный (мордовские термины родства в говоре мордва-каратаев: *ала*, *мазнас*, *кифтай*, *лэлэй*, *пусча*) и т.д.

2. Термины родства представляют собой один из наиболее древних общетюркских лексических пластов. Параллели большинства из них находятся не только в других тюркских, но и в монгольских (*агай*, *апсын*, *кода*, *кодагый*, *хатын* и др.), тунгусо-маньчжурских языках. Изоглосса переднерядного варианта (*ин-*) термина *ана* охватывает все языки урало-алтайской общности, корейский язык. К периоду урало-алтайской общности относятся термины: *ага*, *акай*, *инэ*, *эбий*, *бажса*, *балдыз*, *катын/хатын* и т.д.

3. Локальные фонетические варианты терминов родства связаны и с отдельными этапами истории развития татарского языка. Например: тат. литер. *ул*, серг. *ол*, *оыл* (Codex Cumanicus *oul*), восточные диалекты *ыуыл*, др.-тюрк. *оул* и др.

4.1. Термины родства бывают простыми или корневыми (*ата*, *ана*, *эне*); причем, большинство из них выражает кровное родство, сложными (*кайнана*, *картэти*), описательными (*кызымның кызы*). Последние возникли в определенный период развития системы родства в связи с необходимостью уточнения, конкретизации индивида. Как категория, сложившаяся в относительно позднюю эпоху, описательные термины образовались на базе существующих простых терминов родства (или других слов) путем словосочетания, словосложения и последующего сращения входящих в данную словесную группу полнозначных слов.

Все термины родства по браку являются вторичными или производными.

4.2. Термины, представляющие собой определенные лексикализованные сочетания, образуются в говорах теми же способами, что и в других тюркских и алтайских языках в сочетании:

а) со словом «большой», «старший» при образовании наименований лиц по восходящей линии: приурал. *карт + эти* – дед, мам. *дәү эти* – старший брат родителей.

б) со словом, обозначающим родство по браку: тат. литер., западн. диал. *каен + ата* – свекор, средн. диал. *бий + ана* – свекровь.

в) с определением, выражающим родство со стороны матери (крш., минз. *жыраг + эбий* и т.п. – бабушка со стороны матери) или со стороны отца (чст., крш., мам. *үз эби* – бабушка со стороны отца).

г) со словами, выражающими пол называемого: перм., бирск. *ир балдыз* – младший брат жены, *кыз балдыз* – младшая сестра жены, м-кар., нагорн. *кыз малай* – дочь, *ир малай* – сын.

д) с особыми словами, выражающими замещение роли кровных родственников: *үгий инэй* – мачеха, *үгий кыз* – падчерица и др.

4.3 Имеются термины, представляющие собой и аффиксальные вторичные образования: нукр. *бабай* – дед, *баба(ч)* — брат деда, *бикэ* – старшая золовка, *бикэч* – младшая золовка, *бабай* – дед, карс. *бабыкай* – дед, брат деда, у кряшен: *эний или нэнэй* – мать, *энекий* – крестная мать и т.д. Как видно из примеров, уменьшительно-ласкательные аффиксы в роли словообразовательных используются, в основном, для филиации значений по возрастной линии (Ср.: так же в алтайских языках: Цинциус: 18).

5. С точки зрения структурного анализа необходимо обратить внимание на такие пары: *этэ/тэтэ; эбэ/аба* — *бэбэ/баба; энэ/ана* — *нэнэ/нана; ака* — *кака; эмэ/ама* — *мама*.

6. Исследование показало богатство синонимичных лексем в системе родственной терминологии. Однако каждый термин, входящий в синонимический ряд, связан с определенным ареалом. Исключение составляют термины кровного родства *ана* ~ *тута* или *тэтэ*, *ага* ~ *абый* или *абзый*, *эний* ~ *инэ* или *энэй*, *эний* ~ *анай* или *нэнэй* и др., объяснимые ролью влияния литературного языка и диалектов на традиционные особенности, либо смешанным характером того или иного говора.

7. Антонимия в данной лексико-семантической группе выражает противопоставление полов (*ана* - *ата*, *эне* - *сеңел*), возраста (*ана* - *сеңел*, *ага* - *эне*) и т.д.

8. Полисемантическая возникает в связи с классификационным характером термина родства (*ана*- старшая сестра, младшая сестра отца, младшая сестра матери, любая женщина, старше говорящего и т.д.), или в результате семантического развития термина в различных ареалах в различном направлении: в ряде говоров среднего и западного диалектов *тэтэ* старшая сестра, старшая родственница, а в мордва-каратаевском, чистопольско-кряшенском говорах – отец, в тоболо-иртышском, барабинском, томском диалектах — дед.

9. Эта лексико-семантическая группа характеризуется образованием парных словосочетаний, выражающих собирательное значение. При этом компонентами выступают: антонимы по полу (*ата-ана* или *ана-ата* — родители и т.д.) или по возрасту (мам. *агайны*, *ага-эне* – родственники), синонимы (*хатын-кыз* или *кыз-хатын* – женщины, *ата-баба*- предки, *бала-чага* – детвора) и др.

Суммируя вышеизложенное, нужно подчеркнуть, что терминология родства, как древнейший пласт словарного фонда языка, представляет собой не только важный лингвистический материал, но и историко-этнографический источник. Поэтому исследование их имеет большое значение как для отдельных отраслей языкознания, так и для выяснения вопросов этногенетического характера.

Необходимо также отдельно указать на бытование ряда татарских терминов родства в удмуртском, марийском и других финно-угорских языках.

Махмутова Л.Т. Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики (краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка – Казань, 1982. - С. 68-153.

Мордва-каратаи: Язык и фольклор. – Казань, 1991. – 153 с.

Плесовский Ф.В. К вопросу о развитии семьи у коми и удмуртов (по терминам родства) // Историко-филологический сборник. – Вып. VI. – Сыктывкар, 1960.

Покровская Л.А. Термины родства в тюркских языках / Историческое развитие лексики тюркских языков. – М.: Наука, 1961. – 467 с.

Рамазанова Д.Б. Термины родства и свойства в татарском языке – В двух книгах: - Казань, 1991. – Кн. I. – 87 с. – Кн. II. – 192 с.

Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюрские и межтюрские основы на гласные). – М.: Наука, 1974. – 767 с.

Трубачев О.Н. История славянских терминов родства. – М., 1959. – 212 с.

Цинциус В.И. К этимологии алтайских терминов родства // Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков. – Л.: Изд-во «Наука». Ленингр-е отд-е, 1972. – С. 15-70.